

**Военные
Приключения**

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

ТЕОДОР ГЛАДКОВ

Военные приключения

Алексей Полянский

Невозвращенец (сборник)

«ВЕЧЕ»

2012

Полянский А. И.

Невозвращенец (сборник) / А. И. Полянский — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

Необычное дело пришлось расследовать майору КГБ Маркову – из зарубежной командировки не вернулся талантливый учёный Александр Егоров. Почему стал «невозвращенцем» этот человек? Кто приложил руку к такому резкому изменению в его судьбе?.. А из повести «Сожжённая на костре» читатель узнает о героической борьбе луцких подпольщиков с фашистскими оккупантами. Новая книга признанного мастера исторической и приключенческой прозы.

Содержание

Сожженная на костре	6
1	6
2	8
3	13
4	19
5	23
6	25
7	27
8	30
9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Полянский, Теодор Гладков

Невозвращенец (сборник)

© Гладков Т.К., Полянский А., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сожженная на костре

1

Беженцы... Это слово, в котором так и слышалось что-то безнадежное и тоскливо, Паша Савельева раньше встречала только в книгах о Гражданской войне, иногда его упоминала в разговоре и мать, Евдокия Дмитриевна, когда рассказывала все о той же Гражданской.

Были, мол, такие бедолаги, которых война согнала с родных мест, лишила крова, вышвырнула с узелком наспех собранных, самых нужных вещей на дороги, ведущие неизвестно куда, лишь бы уйти... От германцев, от деникинцев, от колчаковцев, от белополяков. Шли, гонимые страхом и отчаянием, по разбитым дорогам, несли на руках заплаканных ребятишек, иногда вели на веревке коровенку или козу – последнее богатство и надежду. Страдали от голода и жажды, мокли под дождями в чистом поле, дрожали так, что не попадал зуб на зуб в зимнюю стужу, умирали от тифа и истощения на улицах чужих городов и сел.

Давно это было – в восемнадцатом, девятнадцатом, двадцатом. Но вот она, Паша, – беженка на родной Советской земле в июне сорок первого. Еще в субботу был ярко освещенный круг танцевальной веранды в парке Шевченко, кино на открытой площадке, ребята уговаривали мороженым-эскимо. Духовой оркестр беспрерывно играл вальсы и польку-бабочку. И шумела ласково пока не опаленная июльским зноем листва каштанов и тополей.

Домой она вернулась поздно, пришлось будить мать – та по забывчивости закрыла дверь не только на ключ, но еще и на щеколду.

Паша не слышала утром радио, хотела выспаться в воскресенье и, прежде чем нырнуть под прохладную пропыню, выдернула из розетки вилку громкоговорителя-тарелки.

Разбудили ее оглушительные взрывы. Босая, в однойочной сорочке, ничего не понимая со сна, Паша побежала к окну, и в ту же секунду дом заходил ходуном, с жалобным звоном посыпались стекла, и какая-то мягкая, но неодолимая сила отбросила ее к стене. И тут только Паша поняла, что это бомбардировка. Кинулась в соседнюю комнату. Мать, сидя на кровати, прижимала к груди Верочку, пятилетнюю внучку от старшей дочери, и с ужасом повторяла еле слышно:

– Господи, и что же это делается, Господи, что же делается...

А делалась война. Только что обрушившаяся на их Спокойную улицу (да, так, словно по иронии судьбы, она называлась), на тихий город Луцк, на всю мирную страну.

Два дня прошли как в тумане. По городу ползли самые противоречивые слухи. Кто уверял, что немцы взяли Киев, кто, наоборот, что их отбросили за границу. Рассказывали о парашютистах, сброшенных в форме советских милиционеров, о шпионах, посылающих сигналы фашистским бомбардировщикам карманными фонариками, и еще черт те о чем.

Паша почти не выходила из банка: упаковывала вместе с другими банковскими служащими деньги, ценности, документы в мешки и ящики, составляла описи, опечатывала, грузила, сжигала по указанию заведующего какие-то бумаги, ночью дежурила на крыше, неумело тушила брызжущие горящим фосфором немецкие «зажигалки».

Двадцать четвертого улучила минуту – сбежала домой. Охнув, Евдокия Дмитриевна кинулась накрывать на стол. Паша только отмахнулась. Наспех сделала себе несколько бутербродов, сунула в противогазную сумку. С жадностью выпила стакан холодного молока.

– Обедать некогда, мамочка. Собирайте вещи. Только самое нужное. Уходить будем, пока не поздно. Вечером я вернусь, помогу. А утром отправляемся.

К вечеру все банковское имущество было эвакуировано в Киев, и безмерно уставшая Паша действительно вернулась домой. Мать и тетка Ефросинья Дмитриевна успели кое-как

собрать два чемодана и теперь как потерянные бродили по комнатам, сразу ставшим чужими, брали в руки то одну вещь, то другую, словно не веря, что все это – свое, домашнее, нажитое – придется бросить на произвол судьбы, да и сам дом тоже.

Утром следующего дня Паша побежала на вокзал и тут в толпе узнала самое ужасное: поезда из Луцка уже не ходили. Последний, ушедший ночью эшелон разбомбили «юнкерсы». Железнодорожное полотно разрушено. Когда его восстановят – неизвестно. Люди на вокзале говорили, что можно уйти по шоссе в Киверцы, откуда, по слухам, поезда еще ходят.

…Их было несколько тысяч – беженцев, растянувшихся по Киверецкому шоссе. Мужчин мало, в большинстве женщины с детьми, старики. Лишь немногие на подводах. А так все пешком, нагруженные чемоданами, узлами, корзинами. Некоторые катили детские коляски, набитые доверху вещами. Какой-то дед тащил старинные настенные часы, которые иногда вдруг начинали бить…

Шли молча, понурые, растерянные люди в последней надежде вырваться из стягивающегося вокруг них кольца немецких войск. И вместе со всеми шли дорогой людского горя Савельевы. Тяжелые неудобные чемоданы оттягивали руки, в горле першило от пыли, а воды не было – захватить из дома второпях не догадались. По очереди несли Верочку. Каждые две-триста шагов приходилось останавливаться – у Евдокии Дмитриевны совсем отказывали больные ноги.

Иногда над шоссе с прерывистым ревом проносились немецкие бомбардировщики с крестами на крыльях и фюзеляжах. Тогда все бросались врассыпную, кидались в придорожные кюветы, прижимались всем телом к земле. Но немецкие летчики в тот день не обращали на беженцев никакого внимания, они шли на восток бомбить какие-то, видимо, более важные цели. После полудня, когда стало нещадно припекать солнце, Евдокии Дмитриевне сделалось совсем плохо. Паша стояла рядом в полной растерянности, не зная, что делать дальше. К женщинам подошел довольно высокий, крепкого сложения парень в сером от пыли костюме. За спиной его болтался тощий армейский вещмешок, какие бойцы называют «сидорами». Глядя на Пашу с нескрываемым сочувствием, он мягко предложил:

– Дайте-ка я вам помогу, земляки.

Говор у него, точно, был не местный – российский. Паша с сомнением оглядела непроншеного помощника. Но глаза парня были добрыми, смотрел он открыто, чувствовалось, что такому можно довериться. И, не отнекиваясь для приличия, хотя и испытывая неловкость, Паша сказала:

– Спасибо вам…

Без малейшего усилия парень подхватил два чемодана.

Они шли по шоссе еще часа два, незнакомец с вещами впереди, за ним Паша с Верочкой и сзади, поддерживая друг друга, – сестры. Шли до тех пор, пока перед самыми Киверцами не преградил им путь встречный поток взбудораженных беженцев: опоздали, немцы уже перерезали железную дорогу. И все шоссейные, ведущие на восток, тоже. Идти дальше было некуда. В бессильном отчаянии стояли на шоссе люди, пока не заурчали со стороны станции моторы и медленно не выползли на дорогу тяжелые туши немецких танков. И, отступая перед их слепой беспощадностью, люди зашагали обратно, в Луцк. Где ждал их тридцать один месяц оккупации…

2

Страшное это было возвращение. Их встретил совсем не тот город, что они покинули: чужой, неприветливый, жестокий, таящий за каждым углом тысячу опасностей, хотя и сохранивший старый, привычный облик. Не изменилась ни ленивая раскидистая Стырь, ни мрачные башни замка Любарта, ни дома, ни старые костелы и церкви. И улицы остались теми же. Впрочем, нет, с улицами что-то произошло, а что – Паша сразу даже не поняла, потом только до ее сознания дошло: появились блестящие эмалированные дощечки с новыми – немецкими – названиями: Гитлерштрассе, Герингштрассе, Цитадельштрассе.

И вывески новые появились на витринах магазинов – непривычные, с фамилиями частных владельцев. В магазинах суетились какие-то наглые и в то же время угодливые люди с бегающими глазками. Откуда они только взялись, где были раньше? На дверях лучших магазинов и ресторанов объявления: «Только для немцев».

И сами немцы повсюду – армейцы в серо-зеленых мундирах с большими накладными карманами, над правым орел со свастикой в когтях, эсэсовцы в серых мундирах со зловещей эмблемой – черепом и скрещенными костями на фуражке и тем же орлом со свастикой на левом рукаве, жандармы с полукруглыми металлическими бляхами под воротником. Все вооруженные.

Сытые, здоровые, наглые.

Хозяева «новой Европы».

И холуи новых хозяев – украинские полицейские с белыми нарукавными повязками и винтовками. Одни пришли вместе с немцами, другие, оказывается, скрывались в каких-то щелях и при советской власти. Однажды на Базарной улице Паша с изумлением узнала в неторопливо идущем навстречу полицее знакомого парня – звали его Семеном. До войны они вместе бывали на вечеринках у общих знакомых. Обычный парень был, вроде неплохой, веселый, провожал как-то ее до дома.

Запестрели приказами новых властей заборы и стены домов: за укрывательство коммунистов, военнослужащих Красной армии и евреев – расстрел, за саботаж и нападение на немецких солдат – расстрел, за слушание радиопередач из Москвы – расстрел, за «большевистскую пропаганду» – расстрел. Под приказами подпись: «Генеральный комиссар Волыни и Подолии Шёне».

Все жители города обязаны пройти регистрацию в магистрате. Евреям и коммунистам регистрироваться особо. Все жители должны иметь всегда при себе удостоверение личности – аусвайс и справку о работе – мельдкарту. Хождение по городу в ночное время без специальных пропусков категорически воспрещается.

Перед Пашей сразу стал вопрос – что делать, как жить дальше. Идти работать в банк значило поступить к немцам на службу, об этом она и слышать не хотела. В то же время нужно было кормить семью. На первых порах могли выручить небольшие сбережения, кое-что можно было продать или выменять на продукты. Но долго так не протянешь.

Поэтому Паша сочла, что ей здорово повезло, когда удалось устроиться судомойкой в открывшуюся неподалеку от их дома частную столовую для местных жителей.

Вскоре Паша получила повестку из магистрата – зарегистрироваться. В длинной понурой очереди разговорилась с ровесницей – хорошенькой кудрявой девушкой. Звали ее Шура. После регистрации вышли из магистрата вместе, и тут оказалось, что живут они по соседству. Старый дом Шуры сгорел при бомбардировке, и она поселилась у своей бывшей учительницы Марии Григорьевны Галушки (сейчас она работала корректором в типографии).

Шура познакомила Савельеву с Марией Григорьевной, полной, очень приветливой женщины, и ее детьми. Позже, когда они ближе узнали друг друга, Мария Григорьевна рассказала Паще, что ее муж политрук в Красной армии.

В доме Галушки часто бывала Мария Ивановна Дунаева, муж ее служил кучером у луцкого бургомистра. Заходила Наталья Косяченко. Ее муж был командиром, а брат – генералом Красной армии. Наталья, как и Паша, пыталась уйти из города, но ее по рукам и ногам связывали двое детей. Самой старшей из новых знакомых Паши была Анна Авксентьевна Остаплюк, уборщица гебитскомиссариата.

Женщины помогали друг другу в трудном оккупационном житье-бытье, в то же время чувствовалось, что между ними складываются и какие-то особые, пока, правда, невысказанные отношения, выходящие за рамки простого добрососедства.

Как-то Мария Григорьевна поинтересовалась, откуда Паша знает польский язык, ведь она родом из России и в Луцке живет недолго. Девушка охотно рассказала о себе.

Родилась Паша в деревне Зарубино Калининской области. У матери кроме нее было еще двое детей – Иван, умерший до рождения Паши, и старшая Лена. Отца Паша не помнила, умер, когда она была грудной. В деревне девочка окончила четыре класса. Средней школы в Зарубине тогда не было, и мать отправила Пашу в город Ржев, к тете Ефросинье Дмитриевне, работавшей там на льнотекстильной фабрике. В Ржеве Паша поступила в школу-десятилетку № 3, где ее приняли в комсомол.

У Ефросиньи Дмитриевны на фабрике была добрая знакомая, тоже работница, Вера Михайловна Лискевич, полька по национальности. Девочка очень понравилась Вере Михайловне, и она взяла Пашу к себе пожить, пока ее мать не переедет в Ржев. Дома Вера Михайловна разговаривала с сыном Колей по-польски, постепенно научилась языку и Паша.

Окончив школу, девушка поехала учиться в Москву, хотела стать детским врачом, но в медицинский уже документов не принимали – опоздала. Встретила подруг по школе: Шуру Андрееву, Марусю Морозову, Шуру Самуйлову. Те уговорили поступать вместе с ними в Кредитно-экономический институт Госбанка СССР.

…В Москве Паша растерялась. Огромный город подавил, ошеломил ее многолюдьем, пронзительными клаксонами автомобилей, лязгом трамваев, толкотней на тротуарах, обилием товаров в магазинах. Поразила ее и нерасчетливость москвичей – им ничего не стоило потратить сразу столько денег, сколько им во Ржеве хватило бы на неделю. Одно слово – Москва! И мама перед отъездом опасливо говорила ей: «Смотри, Пащенка, в оба, они там, в Москве, знаешь какие…»

Но страхи оказались напрасными. Весь этот шум был только внешней стороной жизни большого города. Да и оглушающим хаосом он оставался только до той поры, пока Паша не научилась понимать его скрытый для деревенского человека смысл. Так и для горожанина все звуки леса сливаются в один непонятный шорох. А любой сельский мальчишка легко и без ошибки различит в нем и мерный сухой шелест сосновой хвои, и нежные вздохи под ветром березовых крон.

Москвичи тоже оказались совсем не такими страшными, как опасалась мать. Да, собственно говоря, не так уж много было в Москве самих москвичей. Казалось, ее заселили в ту пору одни приезжие. В толпе на улице Паша то и дело слышала и неторопливую украинскую мову, и горянную кавказскую речь, узнавала родной северный говор. На их курсе коренных москвичей тоже было раз-два – и обучался. Остальные – кто откуда, некоторые называли такие места, о которых Паша и не слыхивала раньше никогда.

Но и освоившись, Паша в глубине души продолжала оставаться застенчивой сельской девушкой. Нет, не боязливой, а именно застенчивой, стеснительной, для которой не так-то просто отвести душу в разговоре с однокурсницей и совсем уж невозможно принять приглашение пойти вечером в кино от случайного соседа в институтской читальне. (Был такой эпи-

зод, и хотя парень – веселый курносый блондин – Паше понравился, вместо ответа она демонстративно уткнулась носом в учебник.)

Эту застенчивость усугубляло и то, что Паша считала себя по сравнению с нарядными москвичками чуть ли не дурнушкой, на которую ребята всерьез внимания обращать не станут, разве что так, от нечего делать. И очень бы удивилась, если бы ей кто-нибудь сказал, что это не совсем так, а вернее – совсем не так. Действительно, Паша была из тех, кого называют птичка-невеличка. Ну и что? Зато вся ее стройная, миниатюрная фигурка была удивительно пропорциональна, а походка необычайно легка.

– Ты, Паша, по ржаному полю пройдешь и колоска не заденешь, – сказала ей как-то с завистью Вера Кулябко, девица рослая и плечистая, на которую в трамвайной давке косились с опасением даже мужчины.

Пушистые темно-русые волосы Паша стригла коротко, почти по-мальчишески, такую прическу носили тогда многие девушки. Лишь на четвертом курсе перед выпускным вечером поддалась она уговорам подруг и за компанию с ними сделала себе перманент. Так они и сфотографировались в тот день, вчетвером: все разные, а кудряшки-челочки, словно приклевые к голове, одинаковые.

Для тех ребят, которые ходили знакомиться с девушками на танцы в Сокольники, Савельева, точно большого интереса не представляла. Неброские, мягкие черты лица, по-детски пухлые губы, слишком серьезные карие глаза. Обычное, вроде бы ничем не примечательное лицо. Но в лице этом, очень русском и очень девичьем, была своя прелест, скрытая если не для всех, то, уж во всяком случае, явная не для каждого. Но сама Паша всех этих достоинств за собою не знала, а зеркало каждое утро показывало ей ничем не примечательную – так себе! – провинциальную девушку.

Еще приводили порой Пашу в смущение ее более чем скромные туалеты. Жить приходилось нелегко, стипендии едва хватало на самое необходимое, на помощь от матери рассчитывать не приходилось, наоборот – Паша всячески хитрила, чтобы самой выкроить к концу месяца хоть несколько рублей и отослать их домой. А между тем кое у кого из Пашиных подруг в ходу уже были и крепдешин, и даже туфли-лодочки, а у ребят появились широкие, в ладонь, шелковые галстуки, повязанные толстым узлом.

Удобства быта в ту пору уже не противопоставлялись героике эпохи. А она продолжала быть эпохой героев. И каждое утро газеты называли все новые и новые имена. К вечеру их уже знала наизусть вся страна: от мальчишек-пионеров до ветеранов-буденновцев – Валерий Чкалов и Никита Карапупа, Паша Ангелина и Алексей Стаханов, Отто Шмидт и Владимир Коккинаки. Метростроевцы. Полярники. Девушки-парашютисты. Бойцы Хасана.

С восторгом и удивлением читала о них Савельева, а в голове не укладывалось: как же это они смогли? Или это какие-то особые люди? И у них вместо нервов стальные провода, а вместо сердца пламенный мотор, как пелось в песне?

Однажды на Арбате, возле разукрашенного хохломскими узорами табачного магазина, Паша увидела почтительно-суетливую стайку мальчишек. Впереди, неторопливо переваливаясь, вышагивал коротенький толстый человек, уже очень немолодой. Подбитый мехом кожаный реглан и пушистая пыжиковая шапка делали его похожим на медвежонка. У человека было круглое добродушное лицо с маленькими хитрыми глазками, над верхней губой смешно топорщилась щеточка усов. От всей его фигуры так и веяло спокойствием, уверенностью и весельем.

Один раз какой-то суетливый пацан лет восьми едва не попал ему под ноги. Человек остановился, присел на корточки и сстроил зверскую физиономию. Мальчишка в восторге заверещал, а толстый человек хмыкнул и зашагал дальше. Прохожие останавливались и смотрели ему вслед. На углу улицы человек в реглане свернул налево по Суворовскому бульвару и скрылся в подъезде большого желтого дома, известного в Москве как Дом полярников.

И тут только Паша покраснела, сообразив, что она шла за этим человеком вместе с мальчишками, с которых, как известно, спрос невелик. Она вглядывалась в лицо человека, известного всему миру, и не заметила в нем ничего примечательного, тем более героического. Обыкновенный веселый толстый человек, которого явно смешит (хотя и чуточку нравится) собственная слава. А ведь сам Папанин! Первый живой герой, которого увидела Паша на своем веку.

Много позже какой-то молодой доцент привел на институтский вечер своего школьного приятеля. Приятель оказался высоким бравым брюнетом, которому очень шла синяя летная форма. В петлицах френча рдело по алоей шпале, а над левым карманом поблескивал золотом и эмалью новенький орден Красного Знамени.

«Он был в Испании!» – сказал кто-то шепотом Паше. О тех, кто воевал в Испании, тогда говорили только шепотом. Во время концерта Паша сидела совсем рядом с летчиком и украдкой то и дело косилась в его сторону. И тоже не разглядела в нем ничего необычного. Правда, красивый, но ведь красивых ребят и у них в институте немало, никаких не героев. А уж Папанина-то и вовсе никак не назовешь красавцем.

Ее собственные подвиги закончились на том, что она выполнила нормы всех оборонных значков: ГТО, ГСО, ПВХО и «Ворошиловского стрелка». Очень хотелось получить и значок парашютиста, но в аэроклуб ее не приняли: девушек, желающих прыгать, было столько, что Пашина очередь подошла бы разве к пенсионному возрасту.

Довольно трудно было сдать нормы на значок ПВХО. Зачеты принимал курсант из военного училища – в порядке комсомольского шефства. Был он совсем молоденький, моложе своих кружковцев. Очень стеснялся своей молодости и потому был отчаянно строг и придирчив. А Паша, как нарочно, на зачете перепутала иприт с люизитом и еле-еле выпуталась. Зачет все же получила, хотя комсорг и сказал ей с укоризной: «Что же ты, Савельева, чуть весь курс не подвела». Паша оправдывалась тем, что химия ей плохо давалась еще в школе.

Подошел наконец и тот единственный, неповторимый день, когда Паша сдала в канцелярию деканата изрядно потрепанный за четыре года студенческий билет. А потом пришлось немало побегать по институту с обходным листом, в незапамятные времена еще метко прозванным «бегунком».

Библиотека (все книги сданы) – штампик хлоп, профком (взносы уплачены) – хлоп, спортклуб (форма сдана) – хлоп, касса взаимопомощи (долгов нет) – хлоп, хлоп, хлоп…

Потом торжественная церемония вручения новеньких, в пахучих дерматиновых корочках дипломов, прочувствованные слова декана, речи, торопливый обмен адресами с однокурсниками и шумный вечер-складчина в институтской столовой, где по такому особому случаю вместо клеенок постелили на столы белые скатерти. Потом долгое шатание по предрассветной Москве, танцы под патефон, который невозмутимо нес на руках муж Веры Кулябко (только на вечере выяснилось, что у нее – вот так раз! – есть муж, студент из Бауманского), и хохот, и песни, и веселая перебранка где-то на Остоженке с подвыпившим, невзирая на ранний час, дворником-татарином.

Дворник грозился разогнать их «бранбоем», но, когда его угостили пивом из бумажного стаканчика, успокоился и даже стал показывать Вериному мужу приемы татарской борьбы.

О назначении Паша уже знала – Луцк в Западной Украине, в областной Волынский банк. Города Луцка никто в институте не знал (студентов оттуда еще не было), но говорили, что город красивый, а сама банковская работа там должна быть интересной, так как советские учреждения и предприятия в Луцке только организовывались, а процесс этот, естественно, связан с финансами. Отсюда следовало, что для молодого специалиста в Луцке хорошие перспективы. Не то что в каком-нибудь старом банке, где каждый счетовод сидит на своем стуле по двадцать лет.

Словом, Пашиному назначению многие даже завидовали, да и сама она, в общем, была им довольна.

Луцк так Луцк. А пока что месяц положенного отпуска в Ржеве.

Домой Паша ехала со смешанным чувством радости и тревоги. Ну радости – это понятно, а тревоги – за мать. До Ржева от Москвы все же рукой подать, да и по деньгам доступно, а Луцк – совсем другое дело. Евдокия Дмитриевна в последнее время чувствовала себя плохо – разболелись ноги. К тому же Паша вообще не хотела больше расставаться с матерью. Девушка знала, что и мать с великой радостью поселилась бы с младшей дочерью, бессемейной, но в то же время понимала, что человеку пожилому, особенно деревенскому не так-то легко двинуться на новое место, оставить обжитой угол, хозяйство, соседей, словом, все привычное, с чем за годы сроднился.

Но разговор с матерью оказался легче, чем Паша предполагала. Предложение дочери Евдокия Дмитриевна приняла сразу, без особых колебаний, но, как человек рассудительный и практичный, предложила так:

– Поезжай, доченька, для начала одна. Получи квартиру, осмотрись. Напиши, какую квартиру дадут, в городском доме или с хозяйством. Напиши, что продать, а что из имущества и на новом месте пригодится.

Луцк Паше понравился. Конечно, не Москва, но дома в центре каменные, двух– и трехэтажные, красивые. Много церквей – и католических, и православных. Населения в Луцке, по статистике, вроде и не очень много, но на улицах людно. Смутила поначалу многоязычность: местные жители одинаково свободно говорили и по-украински, и по-польски, и по-русски. Но потом Паша успокоилась. Польский она знает, украинский выучит. Вспомнила, как не давался ей поначалу в институте немецкий, как отставала от однокурсниц, а потом догнала и даже вперед вышла. Преподавательница – Альма Густавовна – уж на что строга была, и та отметила, что у Савельевой отличное произношение. А тут украинский, почти как родной. Осилим.

Понравилась Паше и река Стырь. Странная немного, никак не поймешь, откуда и куда она течет, где ее главное русло – так она ветвилась и петляла по городу. Хорошо и то, что много зелени, деревья могучие, широколиственные, посаженные в незапамятные времена.

С некоторым удивлением узнала Паша, что маленький город Луцк старше Москвы, так как упоминается в древних летописях с 1085 года, что деревянную крепость над Стырем основал великий князь киевский Владимир. Крепость эту, однако, дотла спалил татарский хан Бурундай. А еще через сто лет здесь начал строить уже каменный замок литовский князь Любарт, и, хотя достроили его при других князьях – Витовте и Свидригайле, – за крепостью в народе навсегда осталось название «замок Любарта».

Горел потом замок не раз, но белокаменные стены его с тремя башнями по углам по-прежнему горделиво возвышались над городом.

Квартиру дали Паше хорошую, на зеленой уютной уличке, которой удивительно подходило ее название – Спокойная. Считалась она по Луцку далеко не центральной, но до работы было рукой подать.

Помня наказы Евдокии Дмитриевны, Паша сходила на базар, узнала цены. Против московских все было дешево, и на Пашину скромную зарплату, она рассчитала, прожить вдвоем с матерью можно было вполне прилично.

Обо всем этом Паша и написала в Ржев, а вскоре уже встречала гостей: Евдокия Дмитриевна приехала вместе с внучкой и сестрой. Ефросинья Дмитриевна решила тоже съездить в Луцк, помочь родным устроиться на новом месте.

Так и жили они спокойно на Спокойной улице. До 22 июня 1941 года.

3

Шли дни. В середине июля напротив дома, где жили Галушко и Шура, немцы окружили большую территорию, где стояло несколько полуразрушенных домов и бараков, рядами колючей проволоки и поставили по углам вышки с пулеметами и прожекторами. Потом сюда пригнали несколько тысяч советских военнопленных.

Не привели, а именно пригнали под охраной эсэсовцев с автоматами и огромных, рвущихся с поводков собак. У девушек все в душе перевернулось, когда они увидели этих первых в Луцке пленных: оборванных, разутых, голодных, обессиленных. Многие в грязных, окровавленных бинтах.

Из окрестных домов повысыпали люди, дети испуганно жались к материям, женщины плакали, побегали к колонне, пытались сунуть пленным кто кусок хлеба, кто несколько картофелин.

– Цурюк! – орали на них эсэсовцы и отгоняли беспощадными ударами прикладов.

Все реже теперь женщины, встречавшиеся то у Марии Григорьевны, то у Дунаевой, говорили о домашних делах. Все чаще и чаще их разговоры переходили на одну и ту же тему – пленные… То, что творится в лагере, ни для кого из горожан не было секретом. Все знали: гитлеровцы уничтожают советских военнопленных. И открыто – расстреливая за малейшую провинность, и в более скрытой форме – лишая их медицинской помощи, моря голодом, непосильной работой. Особенно усилилась смертность среди пленных, когда подошли ранние в тот год осенние холода. Из окон квартиры Галушко было видно, как каждый день из ворот лагеря выезжает телега с трупами, прикрытыми сверху брезентом.

Однажды Мария Ивановна прибежала к Галушко необычно возбужденная. Еле отдохнувшись, сказала:

– Слышали, что объявили про пленных?

Нет, ни Мария Григорьевна, ни Шура, ни Паша еще ничего не слышали. И Мария Ивановна рассказала.

Рассказ ее, поначалу показавшийся Паше невероятным, вскоре подтвердился официальными сообщениями оккупационных властей. Немцы объявили, что освободят из лагерей часть военнопленных, но на определенных условиях. В этом «но» и заключалась вся суть.

Освобождались бойцы только украинской национальности, если, во-первых, они не были коммунистами и, во-вторых, если за них давал поручительство специально созданный комитет помощи – «допомога». В «допомоге» для этого образована мандатная комиссия, председатель которой, конечно, немецкий офицер, а члены – видные националисты.

В Луцке в ту пору выходила одна газета «Дойче украинише цайтунг» на немецком языке и распространялась «Волынь», издаваемая в Ровно на украинском. Редактором ее был прибывший из Берлина известный бандеровец Улас Самчук. Как ни странно, но подлинный смысл «освобождения» пленных Паша осознала именно из чтения этих фашистских листков. В обоих одновременно появились статьи, в пышных и умилительных выражениях разъяснявшие читателям, что фюрер и Великонеметчина только и пекутся о том, чтобы освободить трудолюбивый украинский народ от гнета «московских большевиков-комиссаров». Далее весьма недвусмысленно следовало: фюрер и Великонеметчина, в свою очередь, рассчитывают на поддержку благодарного украинского населения в борьбе с большевизмом.

– Провокация это, Мария Ивановна, голубушка… – сказала Паша Дунаевой при очередной встрече. – Хотят украинцев на русских натравить. Вроде бы советская власть не их собственная, народная, а Москвой поставленная, Россией.

– Ну это у них не получится, – решительно возразила Галушко. – Люди наши не дурные, что к чему разберут.

— Так-то оно так, — согласилась Паша, — только немцы тоже быстро разберут, что ничего им эта затея не даст...

— Вот что, Прасковья, — потребовала Мария Григорьевна. — Выкладывай, что надумала. Я же чую, неспроста ты этот разговор завела.

— И верно, надумала, — Паша засмеялась. — И вот что. Пока немцы это самое освобождение не прикрыли, а прикроют обязательно, сколько наших может из-за проволоки вырваться! И не только украинцев. Многие пленные свои имена настоящие, звания воинские скрывают. А немцы формалисты. Для них, если у человека фамилия Петренко, — значит украинец, а он на самом деле русский...

Шура подхватила Пашину мысль:

— Так это же можно любого Иванова в Иванченко или Иванюка перекрестить.

— Можно! Вот только как — не знаю еще. Давайте подумаем. Такую возможность нашим помочь упускать грех.

Шура вдруг замялась:

— Понимаешь, Паша не говорила я тебе, но тут случай у меня один вышел. Может, пригодится... Виктора я встретила...

«Случай» действительно мог оказаться полезным.

Виктор был старый знакомый Шуры и до своего призыва в армию в сороковом году очень за ней ухаживал. В первые же дни войны он попал в плен и очутился в конце концов в Луцком лагере. Происходил он из обрусевших немцев — таких на оккупированной территории называли фольксдойче, гитлеровцы рассматривали их как свою опору и предоставляли им определенные, весьма существенные льготы. Поскольку Виктор знал немецкий язык, да и по документам был немцем, его сделали в лагере переводчиком, ему разрешалось даже выходить в город.

Шура прямо спросила Виктора, почему же он не бежит. Тот объяснил, что его положение дает ему возможность помогать пленным товарищам. По ее, Шуриному, мнению Виктор говорил вполне искренне.

— Найти его сможешь? — спросила Паша.

— А что его искать? — несколько смущившись, ответила Шура. — Он сам обещал завтра вечером зайти, если будет свободен.

Виктор зашел...

Угостив его чаем и поговорив для приличия часок о всякой всячине, Шура пожаловалась ему, что она и ее подруга никак не могут устроиться на работу.

Виктор пообещал Шуре переговорить с начальником лагеря обер-лейтенантом Арлтом, который, как ему доподлинно известно, подыскивает нескольких девушек на писарские должности в комендатуру.

Обещание он сдержал, и по его рекомендации обе девушки через несколько дней были зачислены писарями в лагерь военнопленных.

Служебные обязанности их оказались несложными. Документы на освобождение, в том числе персональные бланки, были двуязычными. Немецкие писари заполняли одну половину бланка на немецком языке, девушки — идентичную вторую половину на украинском. Вначале документ попадал к ним, поскольку писари-солдаты украинского языка не знали и попросту переписывали украинские фамилии в немецкой транскрипции. В случае каких-либо затруднений, если фамилия попадалась очень уж заковыристая, к ним на выручку приходил переводчик, тот же Виктор. Обер-лейтенант Арлт, подписывая заполненный бланк, никогда не сверял его со списком, поступившим из мандатной комиссии: это заняло бы слишком много времени, да и украинского языка он тоже не знал.

Таких людей, как этот самый Арлт, Паша никогда раньше не встречала, это был не человек, а автомат, от рождения лишенный каких-либо эмоций. Прикажи ему, обер-лейтенанту Арлту, расстрелять всех пленных — расстрелял бы не задумываясь. Но в данном случае он

получил распоряжение освобождать бойцов украинского происхождения – он и освобождал. Потому что превыше всего на свете почитал «орднунг» – порядок, а порядок для него означал – приказ. Ему и в голову не приходило, что в каком-либо звене вверенной ему лагерной канцелярии порядок может быть нарушен.

За несколько дней работы Паша убедилась, что дополнять списки на освобождение вполне возможно, нужно только для правдоподобия видоизменять фамилии на украинские и подделывать некоторые другие данные.

Вот только кого освобождать? Прямого контакта с пленными у Паши и Шуры не было, а те изнеможенные от ран, голода и холода бойцы, которых они встречали на пути к канцелярии и обратно, смотрели на девушек с таким нескрываемым презрением, что заговорить с ними было невозможно. Да и ни к чему: не поверили бы, сочли за провокацию.

Пришлось снова обратиться к Виктору. Разумеется, девушки не сказали ему, что действуют по поручению фактически уже сложившейся подпольной группы. Просто при случае завели разговор о том, что, дескать, жалко своих русских ребят, которым за колючей проволокой одна дорога – на тот свет. А ведь можно им и помочь...

– Это верно, – вздохнул Виктор. – Помочь можно... Но кому? Мне они не очень доверяют, большинство просто предателем считает. А говорить с кем попало нельзя, если нарвешься на «стукача» – конец...

Виктор перебрал десятки людей, пока не пришел к выводу, что есть в лагере один парень, бывший однополчанин, с которым можно поговорить откровенно.

Переводчик устроил встречу этого человека с Пащей. Сослуживец Виктора слушал девушку молча, не перебивая ни единственным вопросом, вообще никак не высказывая своего отношения к ее предложению.

– Хорошо, – только и сказал он. – Посоветуемся с ребятами. Сама ни с кем больше не знакомься. Как решим, дадим знать.

С кем советовался этот совсем молодой парень, в петлицах которого заметны были следы от сержантских треугольничков, Паша так никогда и не узнала. Но на следующий день он случайно попался ей утром и, почти не шевеля губами, но отчетливо произнес: «Михаил Пономарев, Олег Чаповский, Михаил Неизвестный».

Первая операция, как, впрочем, и последующие, сошла благополучно. Не вызвав ни малейшего подозрения немецких писарей, привыкших к присутствию в канцелярии двух рабочих местных девушек, Паша и Шура внесли в списки три лишние фамилии. Летчик Пономарев при этом стал Пономаренко, танкист Неизвестный остался при своей фамилии. Сложнее обстояло дело с Олегом Чаповским – фамилия его годилась, но он был командиром. Паша, однако, не растерялась, сделала так, что пленный командир Чаповский из списков содержащихся в Луцком лагере вообще исчез: вместо него «воскрес» умерший от ран красноармеец Олекса Харченко. С документами на его имя Чаповский и вышел на свободу.

Невысокий, цыганистого вида крепыш Неизвестный, когда получал свою справку, шепнул Паще:

– Того, с кем виделась, не ищи. Пока весточки от нас не получит, что все в порядке... И не обижайся. Понятно?

Паşa не обижалась. Ей все было понятно.

Пленный сержант встретился лишь через три дня и незаметно сунул в руку крохотный бумажный шарик.

Значит, те трое ушли. И дали знать о себе оставшимся товарищам. Ей, Паще, поверили. Вот оно доказательство – тугу скатанный листок бумаги с новыми фамилиями...

Почти ежедневно теперь три-четыре человека покидали лагерь без ведома пресловутой мандатной комиссии, но с каждым днем все сильнее и сильнее беспокоила Пашу мысль: что ожидает вчерашних пленных?

Справка об освобождении – документ ненадежный. Гитлеровцы, как только поймут, что их пропагандистская кампания провалилась, без особого труда сумеют вернуть обладателей этих справок обратно за колючую проволоку. К тому же люди стремились вырваться на свободу отнюдь не для того, чтобы осесть в Луцке тихими обывателями. Они мечтали о партизанских отрядах, боевом подполье. Значит, их нужно обеспечивать и после освобождения, в первую очередь официальными документами: аусвайсами и мельдкартами.

Этими соображениями Паша поделилась с Галушко – и попала точно по адресу.

– Есть такой человек, и как я о нем сама раньше не подумала! – Мария Григорьевна от досады даже руками всплеснула. – Работает у нас в стереотипном отделении Ткаченко Алексей Дмитриевич. Инженер, но от немцев это скрывает. В армию его не взяли по болезни, кажется, у него туберкулез. Я его еще мальчишкой помню, надежный человек.

В ближайшее воскресенье Ткаченко пришел к Галушко. Это был высокий рыжеватый человек лет тридцати, неторопливый в движениях, предпочитавший больше слушать, чем говорить самому. То ли Мария Григорьевна объяснилась с ним достаточно откровенно, то ли сам он был достаточно догадлив, но, когда Паша закончила свою речь, Ткаченко очень буднично, вовсе не претендую на эффект, вынул из кармана и положил на стол… стопку чистых аусвайсов.

– Здесь шесть штук.

Затем уже из другого кармана он извлек столько же мельдкарт. Спросил:

– Сколько комплектов вам нужно еще? Так, чтобы не вызвать подозрения, я могу доставать десять – пятнадцать в неделю…

Паша смотрела на документы, не веря своим глазам. Потом подняла глаза на Ткаченко.

– Это очень опасно?

Тот пожал плечами.

– Когда как. Охранники разные. Одни бдят, другим на все наплевать. Если не зарываться слишком, смогу продержаться долго.

– А как с печатью?

Ткаченко покачал головой:

– Это уже не по типографской части. Я вырезать не умею, лишен, к сожалению, художественных способностей. Тут нужно искать подходы к гебитскомисариату.

Паша задумалась, не очень уверенно сказала:

– Есть у нас одна женщина, она как раз там работает. Только человек она маленький – уборщица…

Ткаченко внезапно оживился:

– Маленький? Я, между прочим, тоже не заведующий складом готовой продукции, а всего лишь чернорабочий. Давайте-ка сюда вашу уборщицу…

Алексея Дмитриевича познакомили с Анной Авксентьевной Остаплюк.

От нее Паша узнала о дальнейших событиях.

– Ну и бес этот рыжий Алешка, только с виду мужчина обстоятельный, а сам сущий бес и есть. Сначала обо всем меня выспросил, кто когда приходит, когда уходит, где чей кабинет. Очень обрадовался, как я сказала, что комнаты убираю вечером, а в помещении только один охранник у дверей. Он, когда я заканчиваю, все обходит и двери за мной запирает. А пока я полы там мою, пыль вытираю, он себе у двери сидит, под ногами не путается. Алешка и научил меня. Захожу я, стало быть, в кабинет самого Линдера, гебица, и окно, створку одну, открываю. А он уже внизу ждет. Через окно и шасть в кабинет. Поковырял чем-то в письменном столе, ящик выдвинул, потом другой. Печать нашел и шлеп, шлеп по своим бумажкам. Потом запер все, как было, – и в окно. Только я его и видела. Ну, я створку за ним на шпингалет заперла, подоконник мокрой тряпкой протерла, как он сказывал, чтобы следов не осталось. Тут и делу конец…

– Ну и ну! – ахала и удивлялась вместе с Анной Авксентьевной Паша.

Большинство освобожденных пленных уходило в леса, к партизанам. В дорогу их снабжали не только документами, но и гражданской одеждой, продовольствием на два-три дня пути, если требовалось – медикаментами. Но некоторые оставались в городе, примыкали к подполью. Остался и самый первый крестник Паши – чернявый танкист Миша Неизвестный. Потом появился еще один примечательный человек – майор Петров.

Много людских судеб прошло перед Пашей за время ее работы в лагере, всякого нагляделась и наслушалась. Но этот двадцатишестилетний майор хватил за несколько военных месяцев столько, что оставалось только диву дивиться, как выжил, не сломился, не пал духом. Петров попал в плен тяжелораненым, без сознания. Когда оправился, бежал. Его поймали – он снова бежал. Так повторялось несколько раз. Последний побег Петров совершил из луцкого лагеря. Отправить его в лес было немыслимо – не дошел бы, так ослаб от голода и избиений. Его укрыла у себя Остаплюк.

Не переставала удивлять Пашу Анна Авксентьевна: когда привели к ней едва на ногах стоявшего Петрова, у нее в доме уже укрывались восемь раненых красноармейцев! Среди них было два узбека – попробуй выдай их в случае обыска за местных украинцев!

Семерых бойцов, когда они выздоровели, позже переправили к партизанам. Восьмой – Николай Громов – умер от тифа. Его документы с соответствующей справкой об освобождении были переданы Петрову, тоже Николаю.

Всему, как говорится, приходит конец. Немцы, не добившись никакого эффекта, кампанию по «освобождению» прикрыли. Девушки снова оказались безработными, потом с помощью Дунаевой устроились уборщицами в немецкое подсобное хозяйство – гебитсландвиршфт. А весной 1942 года Пашу вызвали повесткой на биржу труда.

Вызов на биржу труда не сулил ничего хорошего. Повестка могла означать и самое страшное – насильтвенную мобилизацию в Германию. Уклониться от явки было невозможно – привели бы с полицией. Не приходилось помышлять и о бегстве к партизанам: в этом случае неминуемо пострадала бы семья. Пришлось идти.

Страшного, к счастью, ничего не произошло. Оказалось, что немцы решили открыть в Луцке банк и мобилизовывали на работу туда бывших служащих, разумеется, на должности гораздо более скромные, чем те, которые они занимали раньше. Савельева, к примеру, с ее высшим образованием была назначена всего-навсего кассиром. Здраво обсудив это событие, Паша и ее товарищи по подполью рассудили, что должность кассира при всей ее скромности может оказаться весьма полезной. Для подполья маленьких должностей не существует – истина, которую Паша хорошо усвоила на примере деятельности Остаплюк и Ткаченко.

К этому времени Савельевы сменили и место жительства. Их дом на Спокойной привлекнулся какому-то оккупационному чиновнику, пришлось им перебираться в две пустующие комнаташки на Хлебной улице, 14.

Отношения в подпольной группе сложились так, что хотя никто их не выбирал и не назначал, но Паша, Алексей Ткаченко и Николай Петров-Громов стали признанными руководителями. Именно они распределяли обязанности, давали задания, принимали планы и решения.

Однажды, когда они сидели втроем, Ткаченко сказал:

– А знаете, друзья, в городе кроме нас действует еще одна подпольная группа.

Это никого не удивило: в последнее время по Луцку стали ходить листовки со сводками советского командования, к которым никто из Пашиной группы отношения не имел.

– Так вот, – продолжал Ткаченко, – мне удалось связаться с их руководителем, человек прекрасный, из кадровых военных. И в группе у них все поставлено по-военному. Есть приемник. Полагаю, что нужно наладить контакт с ним.

Ткаченко поручили устроить встречу, и через несколько дней Алексей привел нового товарища по борьбе с оккупантами.

И Паша не удержалась от возгласа изумления, когда узнала в нем того красивого молодого парня, который в страшный июньский день несколько часов шагал рядом с ней по Киевецкому шоссе.

4

Да, к моменту этой неожиданной встречи (которая поразила его не меньше, чем девушку) бывший командир-пограничник Виктор Васильевич Измайлов уже несколько месяцев и сам руководил группой тщательно подобранных людей.

Жизненный путь Виктора Измайлова сложился необычно. Он родился в 1916 году на Алтае в городке со странным названием – Змеиногорск. Отец его – заведующий гороном – умер, когда мальчику было шесть лет, а в четырнадцать Виктор осиротел совсем. Воспитывался в детдоме в Омске. Там же потом учился в школе ФЗО водников. Окончив ее, работал радистом на судах знаменитой Карской экспедиции. Потом была служба в погранвойсках, снова учеба. В тридцать девятом году Измайлова приняли кандидатом в члены партии, в сороковом он уже был старшим лейтенантом.

А потом с ним случилось нелепое происшествие… Виктор пошел с девушкой в ресторан в форме. К ней пристали какие-то пьяные хулиганы. Одного из них он ударил… Разразился скандал. Горячий Измайлов не сумел доказать свою правоту и оказался вне армии. В феврале 1941 года Виктор приехал в Луцк, где у него были родственники, и по направлению горкома партии стал работать в ремесленном училище военруком. В первый же день войны он явился в военкомат. Военком, заглянув в его личное дело, поспешил заявить, что Измайлов «не в его компетенции».

Вместе с тысячами горожан Виктор пытался уйти из города по Киверецкому шоссе и, как мы уже знаем, не успел. Пришлось вернуться.

Регистрацию в магистрате Измайлов прошел спокойно – помогла репутация «обиженного», без особых затруднений устроился работать грузчиком на мельницу. И немедленно начал организовывать подпольную группу. Собственно, он и устроился на мельницу, чтобы иметь возможность появляться в разных районах города, не вызывая ничьих подозрений. К тому же телега… Как-никак транспорт. Могла впоследствии и пригодиться.

Как ни похвалялись немецкие газеты, что к зиме доблестная армия фюрера дойдет до Урала, Виктор ни разу не усомнился, что окончательная победа будет за советским народом. Однако он достаточно трезво смотрел на вещи и понимал: предстоит долгая, кровопролитная борьба не на жизнь, а на смерть. И эта борьба будет проходить не только на фронтах, но и здесь, в теперь уже глубоком тылу врага.

Постепенно вокруг него сложилось крепкое ядро людей, готовых к такой борьбе. Были здесь и военные – окруженцы, и бывшие пленные, бежавшие из лагерей, были и сугубо гражданские лица, коммунисты и комсомольцы, среди последних – несколько его учеников из ремесленного училища.

Для начала Виктор проследил, чтобы все подпольщики группы легализовались в городе, нашли работу. Сам разработал сложную систему конспирации. Постарался завязать знакомства, которые в будущем могли бы пригодиться для разведывательной и диверсионной работы. Много усилий потратили подпольщики, чтобы обеспечить себя оружием. Его собирали в окрестностях города, в разобранном виде приносили в Луцк, здесь очищали от ржавчины, приводили в порядок и прятали. Один из подпольщиков сберег, невзирая на строжайший запрет, не слишком мощный, но вполне исправный радиоприемник «СИ-235». Громоздкую коробку его пришлось скрять, иначе радио было бы трудно прятать, но это, конечно, ничуть не мешало принимать Москву.

Буквально за несколько часов до прихода немцев Измайлов предусмотрительно забрал из училища пишущую машинку. Теперь на ней печатали листовки, в которых сжато рассказывали о положении на фронтах, о партизанской борьбе, охватившей, как теперь знали подпольщики, территории Советского Союза, временно оккупированные гитлеровцами. Листовки выпускали

лаконичными и небольшими по размеру, такие легче было запоминать и передавать из рук в руки, да и бумага – предмет весьма дефицитный – экономилась.

Подпольщики разбили весь город на участки. Каждый постарался как можно лучше разведать свой район, и вскоре Измайлов располагал планом Луцка, на котором довольно подробно были обозначены дислокация гарнизона, размещение важных фашистских учреждений, военных объектов, домов, где жили высшие чины оккупационной администрации.

Словом, подготовительная работа была проведена солидно и основательно, но от более активных действий Измайлов пока воздерживался, хотя подпольщики так и рвались в бой. Как-то товарищи даже обвинили его в медлительности. Он вспыхнул, но сдержался: Виктор не имел права никому рассказывать, что он ждет сигнала.

Дело в том, что в конце сорок первого года Измайлов случайно встретил в Луцке своего бывшего сослуживца. Тот отлично знал все обстоятельства случившейся с Измайловым беды, в свое время пытался ему помочь и уж, во всяком случае, абсолютно верил в его честность. Оба обрадовались встрече, а вскоре, хотя и не вдруг, между ними произошел откровенный разговор. Товарищ, как оказалось, находился в Луцке не волею судьбы, а с определенным заданием, в суть которого он, однако, Виктора посвящать не стал. Теперь ему предстояло вернуться через линию фронта к своему командованию. Перед уходом он предложил Измайлову поставить его подпольную группу на выполнение разведывательной работы для Красной армии. В нее должны были входить сбор политической и экономической информации, диверсии на железной дороге и линиях связи врага, политическая работа среди населения, подбор надежных людей для партизанских отрядов и прочее.

Измайлов с радостью принял предложение, о котором мог только мечтать. И он ждал...

Проходили недели и месяцы, но сигнала все не было.

И Виктор начал действовать самостоятельно.

Сразу прибавилось работы у шефа луцкого гестапо доктора Фишера. До сих пор ему приходилось выискивать только тех, кто распространяет в городе большевистские листовки. Теперь же его последователи одно за другим заводили все новые и новые дела о саботаже, диверсиях в железнодорожном депо и на электростанции, о выведенных из строя армейских грузовиках и даже об убийствах солдат и офицеров вермахта на улицах Луцка.

Объединение групп Измайлова и Савельевой означало создание в городе сильной, разветвленной, хорошо отлаженной подпольной организации. Отношения между Виктором и Пашей с самого начала были основаны на том безотчетном, но в то же время сознательном доверии, без которого немыслимо работать в тяжелых условиях оккупации. Быть может, этому способствовала та ниточка дружелюбия и взаимного расположения, которая завязалась между ними еще на Киверецком шоссе. В деловом же отношении они как нельзя удачно дополняли друг друга.

Измайлов, безусловно, был первым, когда речь шла о замысле и разработке операции, безразлично, разведывательного или диверсионного характера, но зато Паша лучше его не то чтобы знала, а чувствовала людей. Иногда она даже не могла самой себе выразить, почему надо отдать предпочтение тому, а не другому члену организации, но тем не менее выбор ее в конечном счете всегда оказывался безупречным.

Единственное, чего никак не мог одобрить Измайлов, так это того, что Паша принимала личное участие в боевых операциях. Но запретить этого он ей не мог – Паша твердо стояла на том, что она обязана, просто обязана как комсомолка не только руководить, но собствен-норучно уничтожать фашистских оккупантов. И Виктор Измайлов ни за что не признался бы самому себе, что он не одобряет эти ее действия не только из-за соображений целесообразности, но и тревожась за ее жизнь.

Ни он, ни она никогда не говорили об этом, но оба чувствовали, что отношения между ними как-то незаметно перерастают рамки взаимной симпатии. Оба боялись этого невысказанного, но растущего чувства, боялись, что, оно может помешать их работе.

Главными боевиками группы стали Николай Петров-Громов и Михаил Неизвестный, оба владевшие немецким языком. Худощавый, нервный, резкий в движениях и манерах Николай Громов был поразительно смелый человек и к тому же меткий стрелок. Он специализировался на истреблении фашистских офицеров.

Громов уничтожал гитлеровцев не подряд, а с большим выбором. Обычно он, переодетый в немецкую форму или в хорошем штатском костюме, часа два гулял под руку с Пашей по центральным улицам города и скверам, приглядываясь к встречным гитлеровцам, пока наконец не останавливал свой выбор на каком-нибудь крупном чине СС или видном чиновнике. Потом он прощался с Пащей и шел следом за офицером. Иногда охота длилась несколько часов, иногда несколько минут. Но в любом случае кончалась одинаково: негромким пистолетным выстрелом и очередным рапортом дежурного сотрудника гестапо своему шефу доктору Фишеру, что неизвестный террорист скрылся.

Однажды, прогуливаясь по Герингалле, он вдруг резко остановился, словно споткнулся обо что-то, и больно сжал Пашин локоть:

– Что с тобой, Коля?

– Тихо, – даже не сказал, а прошипел Громов.

Паша подняла к нему лицо, и ей показалось, что она никогда раньше не видела человека, с которым шла сейчас рука об руку. Через несколько секунд Громов взял себя в руки, уже спокойно сказал:

– Видишь того капитана, высокий, худой, стоит к нам боком?

Паша повернула голову: возле раскидистой липы, шумевшей под осенним ветром пожелтевшей листвой, стояли и весело болтали три немецких офицера: два обер-лейтенанта и капитан, на которого обратил ее внимание Громов.

– Так вот, – тихо продолжал Громов, – если бы ты спросила меня когда-нибудь, есть ли у тебя, Коля, мечта, я бы ответил честно: год, как мечтаю встретить этого гада… Знаешь, кто он? Людвиг Хорнер, комендант концлагеря, где я сидел. Из зверей зверь… Что он делал с нами, лучше твоим ушам не слышать и не дай бог когда-нибудь увидеть…

Все так же под руку Паша и Николай прошли мимо трех офицеров. На какое-то мгновение взгляд Хорнера скользнул по лицу Громова, но даже не остановился на нем. Конечно, он не мог узнать в этом благополучном коммерсанте истерзанного, окровавленного пленного советского командира, каким видел Николая, тогда еще Петрова, годом раньше… Не узнал. И подписал себе тем самым смертный приговор.

Закончив разговор, офицеры распрощались. Один пошел своей дорогой, а Хорнер со вторым обер-лейтенантом завернул в ближайший ресторан. И обратно уже живым не вышел. Николай Громов несколькими выстрелами из «валтера» убил обоих гитлеровцев через раскрытое окно.

Совсем другим человеком был Михаил Неизвестный. Невысокого роста, с широкими плечами, чернявый и черноглазый, по его собственным словам, не то цыган, не то одессит, поскольку родителей своих никогда не знал и воспитывался в детдоме. Во всяком случае, он умел отлично, так, что все заходились в хохоте, рассказывать одесские анекдоты и так же пре-восходно петь под гитару жестокие цыганские романсы. Еще он был великим мастером на всякие фокусы и веселые розыгрыши.

Как и Громову, Неизвестному, по-видимому, было неведомо чувство страха, правда, его метод уничтожения был иным – он в отличие от Николая предпочитал холодное оружие, а именно: самораскрывающийся французский пружинный нож, найденный в кармане убитого им же немецкого летчика (видимо, сувенир из оккупированного Парижа).

…Прошло еще несколько месяцев. И вот однажды, уже глубокой осенью, в дверь домика, где жил Измайлов, постучали. Дверь открыл Виктор.

На пороге стоял невысокий мужчина средних лет, одетый бедно, но аккуратно, внешности совершенно непримечательной. В руке он держал маленький фибронный чемоданчик, с такими обычно ходят уличные мастеровые.

Человек поздоровался, вежливо приподняв свободной рукой картузик, и спросил:

– Чинить-паять не требуется ли чего?

Во рту Измайлова пересохло.

– Вы можете починить примус?

– Отчего ж не могу? – весело ответил человек. – Если только горелка цела, а то нет у меня горелок, товар дефицитный.

– А мне и не нужна горелка, – так же весело сказал Виктор, пропуская человека в дверь, – у него дно проходилось.

Это был пароль.

5

Появлению в доме Измайлова безымянного лудильщика предшествовали кое-какие события, имеющие непосредственное отношение к этому рассказу.

Густой августовской ночью 1942 года с одного подмосковного аэродрома тяжело поднялись в темное прифронтовое небо транспортные самолеты. Четыре часа лёта – и от их бортов отделились и приземлились в глубоком тылу врага несколько десятков парашютистов – ядро особого чекистского партизанского отряда «Победители» под командованием Дмитрия Николаевича Медведева.

После долгого и тяжелого, с боями похода отряд обосновался в Цуманских лесах между городами Ровно и Луцком. Его первоочередной целью было Ровно, избранное гитлеровцами в качестве «столицы» оккупированной Украины. Здесь находилась резиденция одного из ближайших подручных Гитлера рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха, здесь же расположились штаб начальника тыла германской армии генерала авиации Китцингера, штаб высшего СС и полицейфюрера Украины обергруппенфюрера СС и генерала полиции Прицмана, штаб главного интендантства, хозяйственный штаб группы армий «Юг», штаб командующего особыми Восточными войсками генерала Ильгена, главный немецкий суд и множество прочих, менее важных военных и административных учреждений.

Разведчики отряда собирали в Ровно и окрестностях ценнейшую информацию о военных планах немцев, уничтожали, порой среди белого дня, высокопоставленных гитлеровских генералов и чиновников. Среди этих разведчиков был и обер-лейтенант вермахта Пауль Вильгельм Зиберт – легендарный Николай Кузнецов.

Постепенно расширяясь, сфера разведывательных действий отряда охватила и Луцк – важный административный центр Западной Украины, напичканный воинскими частями, штабами, складами, различными учреждениями оккупантов и потому представлявший большой интерес для советского командования.

Лудильщик, пришедший в домик Измайлова, был одним из разведчиков отряда «Победители».

Много месяцев прошло с того дня, когда Виктор обменялся паролем со своим бывшим сослуживцем. И у командования отряда, получившего связь с Измайловым в свое распоряжение, не было, конечно, да и не могло быть никакой уверенности, что с ним за это время ничего не случилось, что он вообще жив. Тем более был обрадован посланец отряда, когда не только нашел нужного человека живым и здоровым, но и узнал, что он уже один из руководителей подпольной организации, имеющей даже «иностранный» филиал – группу польских патриотов Винцента Окорского.

Связной принес выпущенный еще до войны план Луцка, и Виктор обозначил на нем места дислокации воинских частей, штабов, складов, оккупационных учреждений, дома, где жили видные гитлеровцы и их приспешники из националистов.

– М-да… – уважительно протянул гость, – времени вы тут, как я вижу, даром не теряли.

Теперь наступила очередь говорить ему, и человек, всего лишь несколько недель тому назад ходивший по московским улицам, долго рассказывал жадно ловившему каждое слово Виктору, как живет и борется Советская страна.

Потом снова вернулись к делам. Договорились, что о связи с отрядом никто в организации, кроме Савельевой, Ткаченко и Петрова, знать не будет.

– Как будем поддерживать связь?

– К вам за информацией будут приходить наши люди регулярно, не реже раза в неделю. Каждый очередной связной будет оставлять вам пароль для следующего. Но вам тоже нужно подобрать двух-трех абсолютно проверенных товарищей на роль связных.

– Но Цуманские леса далеко.

– Так далеко вашему связному идти не придется, – успокоил гость. – В двенадцати километрах от Луцка есть польский хутор Бодзявлеч, знаете?

– Знаю.

– Там у нас постоянный пост, мы его называем «зеленым маяком». Дежурят круглые сутки. Ваши связные будут доставлять сообщения туда, а уж с «маяка» их переправят в отряд. Работаем не хуже наркомсвязи…

Гость начертил на листке бумаги схему хутора, отметил место партизанского секрета и назвал Виктору пароль для встречи с дежурным по «зеленому маяку». Потом бумажку сжег.

Уходя, добавил:

– Насчет Савельевой. Берегите девушку. Ее пост в банке представляет ценность исключительную. Денежные документы всех немецких учреждений – это не шуточки. Клад!

Так начался новый, самый важный этап в истории луцкого подполья, длившийся четырнадцать долгих месяцев.

До самого конца группа не знала ни одного провала. Но однажды все же лишь счастливая случайность спасла от гибели Виктора Измайлова, и не только его.

Шла обычная, весьма частая в весну 1943 года облава, когда немцы прочесывали дом за домом намеченный район, задерживая подозрительных. На квартиру Измайлова гитлеровцы нагрянули как раз тогда, когда Виктор составлял список людей, которых предполагалось привлечь к подпольной работе. Солдаты ввалились в дверь столь внезапно, что список уничтожить не удалось, хуже того, при неловком движении Виктор выронил его из рук.

Это означало конец, и не только Виктора, но и нескольких патриотов, даже не успевших еще вступить в борьбу с врагом. Правда, оставалась микроскопическая и очень, конечно, наивная надежда, что немцы не обратят внимания на какой-то обрывок бумаги. Но высокий офицер, первым вошедший в комнату, сразу же увидел листок, и раньше, чем Измайлов успел шевельнуться, лакированный сапог стремительно припечатал список к полу. Виктор в отчаянии покачнулся… А в следующую секунду произошло нечто совершенно непонятное: ловко шаркнув подошвой, офицер затолкнул листок под диван.

Проверив документы присутствовавших и не найдя ничего подозрительного, немцы ушли. Выходя из комнаты, высокий офицер на мгновение обернулся. Виктору показалось, что в его взгляде мелькнула укоризна…

Кто был этот человек? Этого никто не знает до сих пор…

В середине июня сорок третьего года Виктора вызывали в отряд. Это означало, что речь будет идти о задании чрезвычайной важности, которое нельзя передать через очередного нарочного.

После обычных приветствий и расспросов командир отряда Медведев неожиданно сказал:

– Виктор Васильевич, вы, конечно, догадываетесь, что мы вас вызвали в отряд по поводу исключительному. Дело в том, что, по некоторым сведениям, сюда, на Украину, немцы начали подвозить секретное химическое оружие…

6

Владимир Аристархович Боровский имел полное основание называть себя «военной косточкой». Действительно, несколько поколений его предков и с отцовской, и с материнской стороны служили в российской армии.

Отец Боровского скончался в 1910 году заслуженным генерал-лейтенантом от артиллерии, однако не менее чем именитым отцом гордился Владимир Аристархович и прадедом, который закончил двадцатипятилетнюю службу в николаевской армии фейерверкером, удостоенным за Севастополь трех «георгиев». В офицеры Боровский-дед выбился ценой неимоверных усилий уже после крестьянской реформы.

Сам Владимир Аристархович к сорока шести годам имел за плечами две войны: мировую, которую закончил штабс-капитаном и по семейной традиции георгиевским кавалером, и Гражданскую – красный полк, которым он командовал, завершил свой боевой путь в Забайкалье.

Хотя отец его, достигнув генеральских чинов, и получил потомственное дворянство, Боровский к последнему относился иронически, не забывая, что корни его семьи, вернее, рода, самые что ни на есть, по его словам, сермяжные. Потому и расстался со своим дворянством в октябре семнадцатого года даже с облегчением. А солдаты полка, с которыми он провел в окопах более трех лет, несмотря на строгость и даже некоторую придирчивость по службе, единогласно избрали его после свержения самодержавия своим командиром.

После Гражданской Боровский закончил институт стали и военную академию. Он сделал несколько важных изобретений в области артиллерийского вооружения, а несколько лет спустя блестяще защитил докторскую диссертацию, минуя кандидатскую.

Великая Отечественная война застала полковника Боровского профессором одной из военных академий и консультантом множества различных учреждений, так или иначе связанных с оборонной техникой. На фронт Боровского, конечно, не пустили: специалисты его квалификации были во сто крат нужнее в тылу.

В мае сорок второго года Владимира Аристарховича неожиданно пригласили в одно учреждение. Полковника Боровский знал, они встречались, хотя и не часто, на различных совещаниях.

Полковник принял Боровского уважительно и приветливо, поинтересовался здоровьем, семейными делами. Наконец перешел к главному.

– Владимир Аристархович, у меня к вам просьба, как к старому артиллерийскому волку. Что вы можете сказать об этом?

И полковник осторожно положил на толстое стекло письменного стола кусок изуродованной стали с острыми, зазубренными краями. Голубые, правда, уже несколько поблекшие глаза Боровского блеснули профессиональным интересом. Он повертел это в пальцах, легонько подбросил на ладони, подумал с секунду и, наконец, ответил:

– Полагаю, это осколок. Артиллерийского снаряда. Не нашего.

Полковник согласно кивнул головой.

– Да, это осколок. Обыкновенный осколок. Необыкновенно в нем только одно: он доставлен сюда с превеликими трудностями с оккупированной немцами польской территории, подобран на секретном полигоне. Заметьте, не на обычном полигоне, которым располагает каждый орудийный завод, а именно на секретном. Причем, как с достоверностью установили наши товарищи, новые орудия на этом полигоне не испытываются, пушки там обычные, состоящие на вооружении германской армии. Пушки не сменяются, используются для стрельбы довольно давно одни и те же. Значит...

– …Значит, там испытываются снаряды, – закончил за полковника Боровский.

— Мы тоже так полагаем, Владимир Аристархович. Более того, некоторые данные вынуждают нас обратить на этот полигон особое внимание. И я прошу вас вот о чем: можете ли вы по этому осколку, единственному, которым мы располагаем пока, сделать заключение о снаряде и его назначении? Потом мы его вам отдадим на столько, сколько нужно, но ваше предварительное мнение нам важно знать немедленно, чтобы предпринять кое-какие шаги...

Боровский неопределенно хмыкнул. Потом снова взял осколок в руки и стал тщательно рассматривать каждую зазубрину, каждую трещину, потом даже подошел к окну — поближе к свету, чтобы точнее уловить оттенок окалины. Минут через пять он вернулся к столу, опустился в кожаное кресло и еще некоторое время размышлял. Потом сказал:

— После визуального ознакомления, до детального обследования в лаборатории, могу сказать следующее. Снаряд, судя по внешней кривизне осколка, калибра несколько более ста миллиметров, точнее без инструмента определить не могу, а гадать не хочу, ведь немцы могли поставить на обычное орудие нестандартный ствол.

Сталь низкого качества, способна только-только выдержать выстрел. Стенки очень тонкие, их разрушит даже взрыв детонатора. Правда, для этого требуется детонатор более мощный, чем тот, какой немцы обычно ставят на снаряды подобного калибра. Снаряд испытывали без заряда, проверяли только сам стакан, о чем можно судить по внутренней поверхности осколка. Кстати, это случилось около двух месяцев назад.

Полковник даже вздрогнул: дата испытания снаряда была единственным точным фактом, которым он располагал.

— Нет, — продолжал между тем Боровский, — это, безусловно, не фугасный, даже не осколочный и тем более не бронебойный снаряд. Это что-то другое...

Профessor умолк. Сейчас он должен был сказать последние, самые главные слова и тем самым взять на себя всю полноту ответственности за определенное заключение. А Боровский не любил ничьих поспешных заключений, тем более не любил их делать сам. Полковник знал это свойство характера профессора, сам принадлежал к подобным людям, а потому не торопил собеседника ни жестом, ни взглядом.

Боровский еще раз перебрал в уме все возможные варианты и произнес твердо, без тени сомнения:

— Изготавливать подобные стаканы, по моему мнению, есть смысл только в том случае, если снаряжать их отправляющими веществами — ОВ. Это, без сомнения, осколок химического снаряда.

Профessor положил кусок металла на стол и добавил:

— К сожалению, ничего не могу сказать вам об этой проклятой начинке...

...Боровский давно покинул кабинет, а полковник еще долго сидел недвижимо, погруженный в раздумья самого неприятного характера. Наконец он встрепенулся, повел широкими плечами и поднял трубку внутреннего телефона.

— Иннокентий Васильевич? Только что у меня был Боровский. К сожалению, он полностью, ни о чем не будучи предупрежден заранее, подтвердил самые худшие опасения наших экспертов. Он тоже полагает, что это осколок химического снаряда, и никакого другого. Разрешите зайти к вам? Слушаюсь.

Полковник положил в кожаный портфель несколько папок, опустил туда же осколок, предварительно завернув его в бумагу, и вышел из кабинета.

Ко времени описанного разговора советская разведка уже знала, что немцы приступили к массовому выпуску отравляющих веществ нового типа, превосходящих по силе своего воздействия на живой организм все ранее известные газы и яды. Поступили сведения и о том, что новые отравляющие вещества испытывались на заключенных в гитлеровских лагерях смерти. Смерть во время испытаний наступала почти мгновенно, даже если на жертвах были противогазы. Установили также, что рецептура газов разработана в лабораториях «ИГ Фарбениндустри», на ее же предприятиях освоено и массовое производство их. Снаряды изготавливают фирмы «Крупп» и «Унион». Отравляющим веществам были присвоены кодовые названия «табун», «зарин», «циклон», но установить их химический состав не удалось.

21 марта 1942 года Председатель Совнаркома И.В. Сталин получил через английского посла Керра личное и секретное послание Премьер-министра Великобритании У. Черчилля. В числе прочего в письме были и следующие строки:

«...2. Посол Майский был у меня на завтраке на прошлой неделе и упоминал о некоторых признаках того, что немцы при попытке своего весеннего наступления могут использовать газы против Вашей страны. Посоветовавшись с моими коллегами и начальниками штабов, я хочу заверить Вас в том, что Правительство Его Величества будет рассматривать всякое использование ядовитых газов как оружия против России точно так же, как если бы это оружие было направлено против нас самих. Я создал колоссальные запасы газовых бомб для сбрасывания с самолетов, и мы не преминем использовать эти бомбы для сбрасывания на все подходящие объекты в Западной Германии, начиная с того момента, когда Ваши армия и народ подвергнутся нападению подобными средствами.

3. Представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, следовало ли бы нам в соответствующий момент выступить с публичным предупреждением о том, что таково наше решение. Подобное предупреждение могло бы удержать немцев от добавления нового ужаса к тем многим, в которые они уже ввергли мир. Прошу Вас сообщить мне, что Вы думаете по этому поводу, а также, оправдывают ли признаки подготовки немцами газовой войны это предупреждение.

4. Вопрос не имеет особой спешности, но, прежде чем я приму меры, которые могут навлечь на наших граждан эту новую форму нападения, я должен, конечно, иметь в своем распоряжении достаточно времени для приведения в полную готовность наших противохимических средств».

29 марта И.В. Сталин ответил У. Черчиллю:

«...Выражаю Вам признательность Советского Правительства за заверение, что Правительство Великобритании будет рассматривать всякое использование немцами ядовитых газов против СССР так же, как если бы это оружие было направлено против Великобритании, и что британские военно-воздушные силы не преминут немедленно использовать имеющиеся в Англии большие запасы газовых бомб для сбрасывания на подходящие объекты Германии.

...Я думаю, что было бы вполне целесообразно, если бы Британское Правительство выступило в ближайшее время с публичным предупреждением о том, что Англия будет рассматривать применение ядовитых газов против СССР со стороны Германии или Финляндии так же, как если бы это нападение было произведено против самой Англии, и что Англия ответила бы на это применением газов против Германии.

Понятно, что, если Британское Правительство пожелает, СССР готов в свою очередь сделать аналогичное предупреждение Германии, имея в виду возможное газовое нападение Германии на Англию.

...Советское Правительство было бы весьма благодарно, если бы Британское Правительство могло помочь СССР получить в Англии некоторые недостающие химические средства обороны, а также средства ответного химического удара, имея в виду возможность химического нападения Германии на СССР...»

10 апреля И.В. Сталину вручили новое личное и секретное послание У. Черчилля:

«...1. В начале мая я сделаю заявление, в котором нацисты будут предупреждены о применении нами ядовитых газов в ответ на аналогичные атаки на Вашу страну...»

3. Конечно, если необходимо, то мы... сможем предоставить Вам первым ближайшим пароходом по крайней мере тысячу тонн иприта и тысячу тонн хлора...»

Через двенадцать дней И.В. Сталин сообщил У. Черчиллю:

«...Выражаю Вам признательность за готовность поставить 1000 тонн иприта и 1000 тонн хлора. Но так как СССР ощущает более острую нужду в других химических продуктах, то Советское Правительство желало бы вместо указанных выше продуктов получить 1000 тонн гипохлорида кальция и 1000 тонн хлорамина или, в случае невозможности поставки этих продуктов, 2000 тонн жидкого хлора в баллонах».

Позднее сделал свое знаменитое заявление Президент Соединенных Штатов Америки Франклин Д. Рузвельт:

«Я испытываю отвращение при мысли, что какая-либо страна, даже наши нынешние враги, могла бы или была бы намерена применить против человечества такое ужасное и бесчеловечное оружие. Применение такого рода оружия признано незаконным общим мнением всего цивилизованного человечества. США не применяли такого оружия, и я надеюсь, что мы никогда не будем вынуждены применять его. Я заявляю категорически, что мы ни при каких обстоятельствах не прибегнем к такого рода оружию, если наши враги первыми не применяют его».

Обо всех этих событиях государственного, можно даже сказать – международного значения, которые насчитывали к лету 1943 года многомесячную историю, Виктору Измайлову, разумеется, ничего известно не было. Ему рассказали только, что, по некоторым данным, немцы в нарушение Женевского протокола 1925 года в широких масштабах ведут подготовку к химической войне против Советского Союза. Возможность такого преступления со стороны гитлеровцев наше командование никогда, конечно, со счетов не сбрасывало. Но к лету 1943 года стало очевидно, что гитлеровская военная промышленность производит уже не опытные экземпляры, а крупные серии артиллерийских снарядов и авиационных бомб, снаряженных сильнейшими отравляющими веществами не установленного пока состава.

Информация, стекавшая в Москву, в Центр, день ото дня приобретала все более угрожающий характер. В начале лета, когда и вермахт, и Красная армия готовились к решающему сражению на Курской дуге, в Центр пришли сообщения, что гитлеровцы начали перебрасывать химические бомбы и снаряды на Украину, ближе к Восточному фронту.

Небольшой Луцк был с позиций гитлеровцев одним из самых подходящих мест для временного склада нового оружия.

Измайлов выслушал задание очень внимательно, а затем, задумчиво покусывая травинку, сказал:

– Знаете, кажется, что-то у нас уже происходит...

Действительно, один из подпольщиков, работавший официантом в казино, слышал, как несколько офицеров за его столиком говорили о каком-то новом оружии, которое вот-вот поступит и которое по своему воздействию превосходит все ранее существовавшее.

Никаких других подробностей официант больше не уловил, и сообщение его особого интереса у Измайлова тогда не вызвало: гитлеровцы периодически для поднятия уже порядком пошатнувшегося духа собственной армии, а также для устрашения населения распространяли

слухи о появлении нового мощного оружия, способного разом решить исход войны. Но теперь проходить мимо таких сообщений было нельзя – за ними могли стоять серьезные факты.

– Это дело первостепенной важности, – такой приказ был отдан Измайлову, – ищите химические снаряды, используйте для этого все возможности, все связи. Но соблюдайте полную секретность, даже привлеченные к поискам подпольщики не должны знать без крайней надобности, что именно они ищут…

8

Как-то незаметно подползла дата, которая невольно заставила Пашу горько вздохнуть: два года оккупации... Чем они были для нее, эти два года? Кошмарным сном? Нет. Реальность, действительность, от которой ни убежать, ни очнуться.

Оккупация стала привычной формой существования. Именно существования, потому что жизнью назвать происходившее день за днем было невозможно. Привыкла... Паша горько усмехнулась. Да разве можно привыкнуть к тому, чему отчаянно противилась ее душа? А потом подумала, что да, привыкла. Но не к оккупации. Привыкла к другому – подавлять собственные чувства, научилась владеть собой.

Странная теперь у нее была жизнь. Даже не одна, а целых три жизни – не многовато ли для двадцати четырехлетней девушки? Одна жизнь оставалась где-то там, за двухлетней чертой. Там были и тихий деревянный Ржев, и шумная Москва ее студенческих лет, и Луцк, каким он был в тот день, когда она впервые вышла на перрон городского вокзала. Вспоминалась Паше то длинная очередь к институтской кассе в дни выдачи стипендии, то «Чертово колесо» в Сокольниках, или – курьезнейшее зрелище – двухэтажный экспериментальный троллейбус на улице Горького, или сверкающий хрусталем знаменитый Гастроном № 1, который все москвичи упорно продолжали называть «елисеевским». Впрочем, воспоминания о довоенных московских магазинах Паша всегда спешила прогнать поскорее.

Иногда тот мир давал знать о себе и совершенно случайно. Подклеивала как-то Паша обои в углу своей комнаты и обнаружила обрывок старой московской газеты. На заляпанной мучным клейстером полосе только и сумела она разобрать, что в неизвестный ей день неизвестного года московский «Спартак» выиграл с крупным счетом у киевского «Динамо», что в театре сада «Эрмитаж» выступает заслуженный артист республики Аркадий Райкин и что в кинотеатре «Баррикады» идет комедия «Волга-Волга» с участием Любови Орловой и Игоря Ильинского.

Аркадия Райкина Паша несколько раз слышала по радио, фильм «Волга-Волга» видела дважды – дома и в Москве, а вот на футбольном матче ей не довелось побывать ни разу в жизни, о чем она раньше ни капельки не жалела, но сейчас вдруг стало так обидно, что она чуть не разревелась. И твердо решила, как только кончится война, непременно пойдет на футбол и именно на «Спартак» (Москва) – «Динамо» (Киев).

Еще была жизнь Паши Савельевой, неприметной служащей одного из оккупационных учреждений, имеющей аусвайс, мельдкарту и хорошую репутацию у начальства. Эта Паша каждый день минута в минуту приходила на работу, потому что за малейшее опоздание немцы строго наказывали. Вплоть до увольнения, а увольнение означало немедленную мобилизацию в Германию. Смысл бытия этой Паши заключался в том, что ей все запрещалось.

Самой большой заботой этой Паши было достать где-нибудь килограмм-другой картошки, бутыль керосина, буханку хлеба или кусок сала. Сало котировалось выше всего, потому что было не только едой, но валютой, некой универсальной ценностью, на сало можно было выменять все, что угодно. Но где его достать, это сало? У Паши бывали деньги, и рейхсмарки, и оккупационные, порой много денег – их присыпали из отряда. Но они шли на иные цели.

Деньги эти находились в распоряжении совсем другой Паши Савельевой, какую знали в городе лишь немногие и какой она была на самом деле, – руководительницы разведывательной организации. Это была третья и главная жизнь Паши Савельевой, которая никогда не должна была пересекаться со второй, параллельной серенькой жизнью, ибо такое пересечение могло кончиться только одним: разоблачением и гибелью.

До недавнего времени руководителей группы было трое: Измайлова, Петров-Громов и Савельева. Но Паше было во сто крат труднее, чем ее товарищам, кадровым военным.

Громов был из тех, кого называют сорвиголовой. Таким людям всегда везет – из самых невероятных передряг они возвращаются, как ни в чем не бывало. Но до поры до времени. Они редко доживают до старости, это не их удел. В самой отчаянной обстановке такие люди действуют словно по наитию, всегда находя самое нужное и единственно правильное решение. И осуществляют его с блеском. Пока… Пока им не изменит удача. Так и случилось с ним, с Колей Громовым.

Еще в первые месяцы оккупации немцы создали в городе гетто: отгородили колючей проволокой несколько кварталов и загнали туда под стволами автоматов всех местных жителей еврейского происхождения. Привезли в гетто и евреев из окрестных городков и сел. В конце сорок второго года часть евреев расстреляли, а ранней весной сорок третьего по городу поползли слухи, что не сегодня завтра уничтожат и остальных обитателей гетто. И Петров-Громов решил предпринять отчаянную попытку спасти от гибели сотни людей. Не уверенный, что он заручится поддержкой Измайлова и Савельевой, Петров проник за колючую проволоку гетто один, спрятав под одеждой несколько пистолетов и гранаты.

В гетто он отыскал молодых ребят, готовых, как и он, на самоотверженный бой, и поднял с ними вооруженное восстание.

Несколько часов горстка храбрецов вела неравный бой против десятков гитлеровских солдат и полицейских. Они уничтожили часть охранников, не ожидавших нападения, и завладели их оружием. Но вырваться за колючую проволоку им все же не удалось. Вернее, не удалось вывести тех, ради кого они и подняли мятеж, а уходить одним, пока не подоспели машины с солдатами, не захотели.

Окруженные со всех сторон, уже без всякой надежды на спасение, повстанцы отбивались от гитлеровцев, пока не были уничтожены почти целиком. Контузенный разрывом мины, потрявший сознание Громов очнулся – третий раз в своей жизни – уже в камере гестапо. Фамилию его немцы знали: один из полицейских, подавлявших восстание, жил рядом с Громовым и опознал в захваченном соседе. Обыск ничего не дал – отчаянный вроде бы до безрассудства Петров-Громов немецкие мундиры, в которых ходил на охоту, и оружие хранил в известных только ему тайниках.

Его избивали резиновыми палками и шомполами, подвешивали за связанные за спиной руки, так что с хрустом выворачивались кости из суставов, загоняли под ногти иголки, рвали плотничими клещами здоровые зубы, выжигали на спине паяльной лампой полосы, сутками не давали воды… Громов молчал, а если открывал иногда рот, то чтобы высказать следователю Шмидту такое, от чегоober-лейтенант войск СС заходился в ярости.

Потом пытались перестали, более того, поручили двум врачам – немецкому и другому, из пленных, – привести его побыстрее в полный порядок, не жалея для того ни лекарств, ни хорошей еды. Когда Николай встал на ноги, еле живой после перенесенных пыток, с ним заговорили по-иному: предлагали поступить на службу, обещали хорошее жалованье – пусть только сообщает, с кем связан, по чьему заданию поднял восстание в гетто. Ober-лейтенант Шмидт угощал Николая коньяком и сигаретами, делал комплименты его стойкости.

Петров выкурил сигарету, погасил окурок в пепельнице и широко улыбнулся, открыв темные провалы на месте выбитых зубов:

– За сигареты и приятные слова спасибо. Но валять со мной ваньку не стоит, господин ober-лейтенант. Шомполами вы меня не взяли, деньгами тоже не возьмете.

Обер-лейтенант Шмидт с превеликим наслаждением тут же в кабинете пристрелил бы дерзкого русского, или скорее замучил его до смерти. Но у него было строгое предписание начальства: если арестованный Громов не примет сделанного ему предложения, перевезти его как особо опасного преступника под усиленной охраной в ровенскую тюрьму для дальнейшего следствия.

Из луцкой тюрьмы Николай сумел переправить на свободу письмо товарищам:

«...Жизнь мне нужна, чтобы бороться. Будем надеяться, что мы еще встретимся и, конечно, в наше время... Трудно определить, когда встретимся после окончания войны, когда наступит мирное время. Но мы убеждены в том, что победа будет на нашей стороне, что враг будет уничтожен и изгнан с нашей земли. Если же я погибну, сообщите моему отцу, что его сын умер честным человеком. Вот его адрес: Ленинградская область, город Псков, п/о Череза, деревня Глоты, Петрову Григорию Петровичу.

С приветом Николай Громов».

В ровенской тюрьме Громова целую неделю на допросы не вызывали, видимо, было не до него. За эту неделю Николай сколотил из заключенных группу смельчаков и 8 марта 1943 года поднял вооруженное восстание в тюрьме! Заключенные убили нескольких часовых и тюремных чиновников, но сам Николай Петров-Громов во время этой дерзкой попытки вырваться на свободу погиб.

Совсем другим был Виктор Измайлов, кадровый военный, он умел найти правильный ход в любой ситуации, при любых обстоятельствах действовал точно по принятому плану. Если нужно, и он шел на самое рискованное действие, не было нужды – он был способен неделями выжидать наиболее благоприятного момента.

Но Паше никогда раньше даже в голову не приходила мысль, что придется иметь хоть какое-то отношение к военному делу. К тому же она всегда считала себя трусишой. Трижды она смотрела «Чапаева», каждый раз спрашивала себя: а смогла бы она как Анка-пулеметчица, и каждый раз честно отвечала: «Нет, не смогла бы».

А тут было труднее, чем лежать за «максимом» против белогвардейских цепей. Первые дни она испытывала панический ужас при каждой встрече с немецким солдатом. Постепенно страх прошел, оставив вместо себя до крайности обостренное восприятие опасности: трезвое, холодное и спокойное.

Деревенская рассудительность и четкость мышления финансиста дали превосходный сплав: неожиданно она обнаружила (товарищи ее догадались об этом гораздо раньше), что способна рассчитывать каждый свой шаг и предугадывать с достаточной степенью вероятности его последствия. И качеством этим, чрезвычайно важным в разведке, Паша обладала в большей степени, нежели ее друзья, которых она привыкла ставить выше себя. Но они сами – и Громов, и Измайлов – это Пашино достоинство выделили в ней давным-давно, иначе вряд ли девушка вошла бы в руководство уже настоящей разведывательной группы.

Изменилось и ее отношение к опасности, особенно после боевых операций, проведенных вместе с Громовым. Паша уже не боялась, в первую очередь потому, что научилась не бояться собственного страха перед опасностью. Она знала, что ждет ее в случае разоблачения, и внутренне была готова к встрече с гибелью.

Постоянное сознание опасности не оставляло ее теперь ни днем ни ночью, став частью ее бытия. Что бы она ни делала, где бы ни находилась, какая-то частица ее мозга подсознательно фиксировала все происходящее вокруг, отмечала малейшую необычность обстановки. Вот почему, вероятно, в июне Паша почувствовала: за ней следят.

Вначале это было какое-то зыбкое беспокойство, которое охватывало ее каждый раз, когда она выходила на улицу. Потом чувство конкретизировалось в образе малоприметного парня, как бы случайно отворачивающего лицо, когда он попадался на глаза девушке.

Ничего плохого о нем по внешнему облику Паша сказать бы не могла. Парень как парень, лет двадцати пяти, среднего роста, с правильными чертами лица и карими глазами. Никаких запоминающихся примет, разве что осинка над левой бровью.

Паша сообщила о своих подозрениях Измайлову. Виктор тоже встревожился, но понапочту высказал и такое предположение:

— Слушай, Паша, а может, мы зря к нему придираемся? Может, ты ему просто понравилась, парень ходит, вздыхает, познакомиться не решается, а нам уже черти мерещатся? А?

Паша почувствовала, как щеки предательски краснеют. А Виктор, делая вид, что не замечает ее смущения, продолжал:

— Ты, прямо скажем, девушка хорошенская — и как это я сам раньше не замечал...

— Ну конечно, потребовалось, чтобы ко мне прицепился шпик, иначе обратить на меня внимания ты же не мог, — с сарказмом и даже злостью выпалила Паша.

Теперь смутился Виктор. Виновато улыбнувшись, сказал примирительно:

— Не сердись... — Преодолев неловкость, Виктор все же закончил свою мысль: — Предположение, конечно, банальное, но мы не имеем права сбрасывать и его со счетов. Вдруг это всего лишь нездачливый влюбленный? Нужно разобраться. Сделаем так...

План Виктора Измайлова не отличался сложностью, да этого и не требовалось. Проверка *его*, как мысленно называла подозрительного парня Паша, должна была выглядеть естественно.

Словом, дня через два Паша пошла в единственное место в городе, где девушка могла появиться, не вызывая особых нареканий: в кино. Билет — один — она взяла заранее днем, в обеденный перерыв, чтобы он имел возможность присоединиться к ней без особого труда. И он появился... Один, без девушки или приятеля.

До сеанса оставалось минут пятнадцать. Паша побродила немногого по фойе, разглядывая вывешенные на стенах фотографии немецких кинозвезд. Довольно долго постояла у портрета Марики Рёкк, потом выпила стакан газированной воды, потом посидела у крохотной эстрадки, где наигрывали какой-то сентиментальный вальсок три пожилых музыканта с голодными лицами. Он все сидел в углу фойе и не делал ни малейшей попытки подойти к явно скучающей одинокой девушке.

Домой Паша шла медленно, избрав нарочно самую длинную дорогу, но он так и не подошел, хотя самый застенчивый парень не упустил бы такую выгодную возможность для знакомства с понравившейся ему девушкой.

— Что ж, — подвел на другой день итог Виктор Измайлов, — будем считать, что Ромео из твоей тени не состоялся. Версия с несчастной любовью потому отменяется.

Оставалась единственная версия, и в отличие от первой она никак не могла польстить девичьему самолюбию. Ее-то тем более необходимо было проверить.

Через два дня в переулке неподалеку от кинотеатра «Гlorия» сильно подвыпивший немецкий лейтенант минут за двадцать до наступления комендантского часа остановил молодого парня с еле заметной осинкой над левой бровью.

— Ты кто такой, — спросил он на ломаном русском языке. — Давно здесь вертишься. Аусвайс!

— Извините, господин лейтенант, — почтительно ответил парень, — я спешу домой, чтобы поспать до комендантского часа. Пожалуйста, вот мой аусвайс.

Офицер развернул документ и углубился в его изучение. Видимо, ему что-то не понравилось, потому что он смерил парня подозрительным взглядом и с расстановкой, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Это не есть правильный аусвайс! Тут фотографий совсем не похож! Ты украл этот аусвайс!

С этими словами офицер вытащил пистолет и, не спуская с парня взгляда, приказал ему идти вперед. Но парень отнюдь не стушевался:

— Не утруждайте себя, господин лейтенант, — почтительно, но вполне уверенно сказал он. — Не нужно меня вести в гестапо, если уж так случилось, извольте взглянуть, у меня есть и другой документ. Вот возьмите сами, в верхнем кармашке...

Не отворачивая черного зрачка парабеллума, офицер вытащил из кармашка у парня кусочек картона, размером чуть больше железнодорожного билета. На обеих сторонах его по-укра-

ински и по-немецки был напечатан один и тот же текст, а именно, что предъявитель сего есть секретный осведомитель гестапо Сычик и что всем местным властям предлагается оказывать ему всяческое содействие, круглая печать с орлом и номером, дата и подпись: «Фишер».

Офицер молча вернул Сычику картонку.

— Что случилось, господин лейтенант?

Офицер оглянулся — к ним торопливо шагали два фельджандарма с автоматами на груди.

— Ничего особенного, ефрейтор, — ответил он, пряча в кобуру парабеллум. — Проверил документы у этого парня, все в порядке, пропустите его...

— Спасибо, господин лейтенант, — поблагодарил Сычик и растворился в темноте переулка.

Сычик напрасно благодарили лейтенанта — молиться богу ему нужно было за здоровье жандармов: не подойди они случайно, валяться бы ему, пробитому французским клинком: Михаил Неизвестный живым бы его не выпустил.

Разведчики теперь точно знали, что парень, вторую неделю преследующий Пашу, действительно секретный агент гестапо. И Виктор предписал Паше до поры до времени ни с кем не встречаться. Дополнительная проверка установила, что Сычик пользуется в гестапо репутацией сыщика с хорошим нюхом. То, что он зацепил Пашу, подтверждало, к сожалению, его репутацию.

Но было известно и другое. Агенты гестапо, завербованные гитлеровцами из числа предателей Родины, как правило, получали свои сребреники «за голову», твердыми ставками хозяева их не баловали — чтобы были злее и старательнее. Поэтому агент, напавший на след, о своей удаче начальству не сообщал до тех пор, пока не выслеживал все нити.

Отсюда следовало, что в гестапо о Паше Савельевой, вероятнее всего, еще ничего не известно. А если так, значит, убрав Сычика, группу можно спасти. Но как его убрать?

Проще всего ликвидировать Сычика где-нибудь в тихом месте, как это чуть было не сделал Михаил Неизвестный. Но, обнаружив труп, немцы начнут следствие, а в гестапо, как понимал Виктор, работали отнюдь не дилетанты. Нет, убрать Сычика нужно было незаметно, не вызывая подозрения, что совершен акт возмездия.

Откладывать операцию больше нельзя. Каждый час промедления теперь таил в себе угрозу, и Виктор принял решение ликвидировать Сычика самому, не передоверяя этого никому другому.

В ближайший воскресный день Паша, напевая песенку, вышла из дома и направилась в сторону городского пляжа. Глядя на ее свежее, чуть тронутое загаром лицо, никто бы не сказал; что накануне она провела без сна едва ли не самую скверную ночь в своей жизни. То и дело вставала с измятой постели, бродила по комнате, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мать. Несколько раз выходила на кухню и пила воду из деревянного ковшика-петушки, привезенного еще из Ржева.

А сон не шел. Мысли разбегались — и главные, и пустячные, но вертелись вокруг одного: а вдруг они ошибаются. Вдруг все это лишь какое-то наваждение? Плод стечения случайных обстоятельств? И что, если он ни в чем не виноват? Ведь тогда... Ей вдруг стало почти жалко этого Сычика: молодой, может быть, у него есть мать, отец, сестра... И оборвала тут же ненужную жалость: сам мог бы пожалеть себя, когда шел на предательство. Какая тут может быть ошибка, когда Неизвестный собственными глазами читал гестаповскую картонку, ведь не пригрезилась же ему она! И люди Измайлова, имеющие связи в самом гестапо, еще тоже, слава богу, пребывают в здравом уме и твердой памяти. Нет, ошибки нет. Ошибкой будет, если они оставят Сычика ползать по нашей земле и позволят ему продолжать творить черное дело. Не она — он, этот неприметный парень, должен мучиться от бессонницы и покрываться холодным потом при мысли: сколько веревочке ни виться, а конца не миновать...

Но волновалась Паша только ночью, пока не подошла минута действовать. Теперь же, выйдя на улицу, она была спокойна и думала только об одном: чтобы все исполнилось точно

по плану, без всяких неожиданностей. Теперь уже никаким неожиданностям места быть не могло...

Итак, напевая песенку, Паша шагала к пляжу. В правой руке она держала большую соломенную сумку (перед самой войной Паша купила ее в Москве на Сельскохозяйственной выставке, тогда такие сумки были у москвичек в большой моде). Из сумки выглядывал конец лохматого желтого полотенца. Пройдя мимо замка Любарта, девушка замедлила шаги, достала из сумки пудреницу, раскрыла ее и... Так и есть! В крохотном зеркальце мелькнула знакомая фигура. Сычик!

«Следи, следи», – со спокойной злостью подумала Паша, пряча пудреницу обратно в сумку.

На низком берегу безмятежно-ленивой Стыри Паша выбрала местечко поуютнее и улеглась на ласковом песке. Под лучами жаркого июньского солнца девушке стало хорошо и спокойно. Точно она пришла сюда загорать после обычной трудовой недели за банковской конторкой.

Паша лежала на животе, скрестив руки под подбородком, голову прикрыла от солнца легкой кисейной косынкой. Никто, решительно никто не обратил на девушку, пришедшую покупаться и позагорать на берег Стыри, ни малейшего внимания. Не покосился в ее сторону и красивый, атлетического сложения молодой человек с крутыми завитками темных кудрей, спавших на высокий лоб. Молодой человек сидел на песке метрах в тридцати от Паши и с удовольствием предавался обычному пляжному занятию: жонглировал, и довольно ловко, двумя камушками.

На пляже, несмотря на отличную погоду, загорало всего несколько человек – в оккупированном Луцке людям было не до воскресного отдыха.

Прошло минут двадцать. Небрежно помахивая синими сатиновыми плавками («Не иначе, как специально за ними домой бегал», – отметила Паша), на берегу появился еще один купальщик. Со скучающим видом он шагал по песку, высматривая, где бы присесть. В том, что довольно симпатичный парень присел неподалеку от одинокой загорающей девушки, не было решительно ничего удивительного. Парень быстро переоделся и тоже растянулся на песке.

Все три участника предстоящей схватки были теперь на месте: Виктор, Паша и Сычик. Но о том, что схватка будет, знали только двое. Сычику не дано было предвидеть, что это солнце, эта теплая, ласковая вода, этот песок – последние в его жизни.

Еще через полчаса, когда солнечные лучи стали припекать совсем уж невыносимо, Паша встала, стряхнула с груди и бедер приставшие песчинки, завязала на затылке косынку и направилась к воде.

Нерешительно поболтав в воде ногой, взвесила что-то в уме и со вздохом сожаления вернулась обратно. Спустя некоторое время она, словно преодолев вполне объяснимое смущение, подошла к парню в синих плавках, до того безучастно и неотрывно читавшему странную для его возраста книгу – «Сказки братьев Гримм».

– Извините, пожалуйста, – нерешительно заговорила Паша.

Парень, оторвавшись от книги, взглянул на нее с очевидным смятением. Словно не замечая его растерянности, Паша, застенчиво улыбаясь, объяснила:

– Понимаете, я тут одна, без друзей. Очень хочется выкупаться, но в прошлый раз со мной случилась судорога. Ногу свело... Ну и... Я немного боюсь...

Лицо Сычика скривило некое подобие улыбки. Неожиданная просьба спутала его планы. Он шел за Пашей ведомый, с его точки зрения, достаточно серьезными подозрениями, но знакомиться с нею вовсе не собирался. И это было понятно: если Паша действительно связана с партизанами, такое знакомство может лишь спугнуть ее. Что скрывается за этим ее шагом? Желание «прощупать» – этого Сычик не исключал в случае, если девушка заметила слежку? Что ж, пускай попробует. Он, Сычик, прошел хорошую школу, не этой девчонке расколоть

его. В конце концов, если уж пришлось познакомиться с нею, даже хорошо, что знакомство произошло по ее инициативе.

– Пойдемте, – только и сказал он, вставая.

Они вошли в воду. Паша поплыла по течению. Добросовестно стараясь держаться поблизости, за ней поплыл Сычик. А еще через две минуты кудрявый атлет отбросил в сторону свои камушки, встал, потянулся и тоже зашагал к воде.

Сколько прошло времени, никто не считал. Первой вернулась на берег девушка. Она смахнула с плеч сверкающие капельки влаги, вытерлась лохматым желтым полотенцем и надела сарафан, сразу облепивший стройное, еще влажное тело. Не нагибаясь, подделя на босые ноги сандалии, собрала вещи в большую соломенную сумку и зашагала обратно в город. Потом вернулся на свое место и кудрявый атлет. Побродил по песку, дожидаясь, пока обсохнет кожа (полотенца у него не было), оделся неторопливо и тоже ушел с пляжа.

И никто, решительно никто не обратил внимания на сиротливую кучку одежды на том месте, где песок еще сохранял очертания тела парня в синих плавках. Никого не заинтересовал даже сборник братьев Grimm, заложенный на сказке о бременских музыкантах.

Тело Сычика всплыло из воды лишь на третий или четвертый день. Следов насильственной смерти на нем обнаружено не было. Шефу гестапо доктору Фишеру было доложено, что агент Сычик утонул во время купания по собственной неосторожности. Сослуживцы не нашли в его бумагах ничего интересного, видимо, решили они, в последние недели их коллега работал не особенно успешно. А вскоре его и вовсе забыли.

9

Во всей полноте с заданием Москвы Измайлов счел нужным познакомить только трех человек: Пашу Савельеву, Алексея Ткаченко и Михаила Неизвестного, к которому после гибели Николая Громова перешли функции руководителя боевых операций.

В конспиративной квартире на Ковельской улице они несколько часов обсуждали, кого из подпольщиков следует привлечь к поискам, учитывая место работы, связи, индивидуальные особенности и недостатки.

Уже не раз писалось, что работа разведчика во вражеском тылу – тяжелый, опасный, кропотливый труд и что, перефразируя слова поэта, для добычи грамма стоящих сведений приходится перерабатывать тысячи тонн информационной руды. Но если золотоискатель находит порой килограммовый самородок, то и в разведке иногда, хотя и очень редко, случаются невероятные удачи. Не следует только забывать, что удача такая зиждется на прочной основе долгой работы, а не сваливается с неба, подобно библейской манне.

Руководителям луцкого подполья неслыханно повезло, потому что первый же человек, получивший от них указание искать, через какие-то несколько недель нашел! Но эта удача, конечно, не была случайной, потому что таким человеком уже нужно было располагать, а это как раз и не было случайностью, а итогом двухлетней работы организации.

Невысокого роста, немолодой, одетый в нелепый кургужий пиджачок, в старомодном пенсне, инженер Соколов до войны был известным путейцем, а ныне, при «новом порядке», – официантом при станционном солдатском буфете. Скромная должность Соколова не исключала, однако, возможности оказывать советской разведке весьма важные услуги, поскольку человек он был в высшей степени наблюдательный и в железнодорожном деле высококвалифицированный. К тому же, как многие старые русские инженеры, Соколов хорошо владел немецким языком.

Инженер Соколов приехал в Луцк в служебную командировку буквально за несколько дней до начала войны и успел познакомиться только с Пашей – привез ей из Москвы письмо и небольшую посыпочку от своей племянницы, которая училась с Савельевой на одном курсе института. Поэтому немцы о его подлинной профессии и квалификации (так же как и о степени владения немецким языком) и не догадывались.

Когда пришли оккупанты, именно Паша помогла Соколову найти подходящую квартиру, достала ему документы, а потом подобрала нетяжелую работу.

Вовлекать Соколова в подпольную организацию девушке даже не пришло – проницательный инженер сам обо всем догадался. Регулярно он сообщал Савельевой множество сведений, которые почерпывал из разговоров посетителей буфета и служащих вокзала или наблюдал сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.